

НИКОЛАЙ ШМИГАЛЕВ

Последний богатырь

Николай Шмигалев
Последний богатырь

«Издательские решения»

Шмигалев Н.

Последний богатырь / Н. Шмигалев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933859-4

Никогда ещё не случалось в княжестве великом такого, чтобы богатыри подчистую переводились. А вот, поди же ты, свершилось! Дождались вороги окаянные! Собрались оккупанты на славное княжество войной идти! И имя им — легион! Но отыскался-таки не совсем законнорожденный потомок древнего рода богатырского, который встанет на пути захватчиков лютых! И имя ему — Перебор! Перебор Светлогорыч — последний заслон земли родной!

ISBN 978-5-44-933859-4

© Шмигалев Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	8
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	16
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	21
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	28
ГЛАВА ШЕСТАЯ	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Последний богатырь

Николай Шмигалев

© Николай Шмигалев, 2018

ISBN 978-5-4493-3859-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

И сотворил Бог Землю... нечаянно. Вроде собирался «вылепить из того что было» какое-нибудь уютное райское местечко, Эдем, например. А тут – бац! – и Сам не понял, как это у Него, у Всемогущего, так невзрачно получилось: серые голые равнины, унылые пустыни и суровые мрачные горы. Ничего мало-мальски интересного. Всевидящему оку зацепиться не за что, даже заслезилось оно от такой унылой картины. Покатилась слезинка по небосклону и упала, соленая, на сухую землю. И стала безжизненная пустыня тотчас сырой-Землею. И, более того, увидел Рассветлейший, как заиграли-заискрились на её поверхности в солнечных бликах реки, озёра и моря, то заинтересовался, – Эдем покамест подождёт! – а чем бы ещё таким интересеньким Землю разукрасить.

Подумал, поразмышлял и рискнул засадить Землю всякой всячиной. Подумано-сделано! Тотчас зазеленела всякая всячина, запестрила, радуя глаз... ну, то есть всевидящее око, но всё равно что-то не то, чего-то не хватает. Подумал Он вновь, подумал, взвесил все «за» и «против», и заселил на свой страх и риск юную ещё не топтанную Землю кем только ни попадя. Не пожалел – щедро заселил – себе на радость и другим богам, божкам и полубоженькам на потеху. Далекое не Рай, конечно, но и не Пекло чёртово в итоге вышло (ну если только немного возле экватора). И не Правь, естественно, но и не Навь, а нечто среднее. Пусть будет Явь, решил Бог.

Осталось дело за малым – название всему на Земле дать. А коли дело невеликое, то и не стал Всевышний мелочиться. Послал своего троюродного внучатого племянника по материнской линии Яр-бога Триждысветлого, дабы тот самолично всему название придумал. И сошёл Яр-бог на Землю. И пошёл он по ней семимильными шагами, давая имена горам, рекам, морям, рыбам, птицам, зверям, и, конечно же, народам всяческим, так, как только ему на ум взбрédёт. Долго Яр-бог ходил-бродил по Земле, почти всем имена раздарил с полубожеского плеча, утомился даже немного. Уже завершал он свой круг почёта по весям земным, и вдруг спотыкнулся Яр-бог о бел-горюч Ахтымль-камень (как он, кстати, неожиданно и для себя, нарёк этот доселе безымянный горный хребет посреди огромного материка), да ушиб существенно ноженьку божественную. Рассердился Яр-бог на бел-горюч Ахтымль-камень и начертал на его вершине огненным мечом три руны сакральные, а злополучный край и неприкаянный да удалой народ живущий округ камня, заповедовал с той поры Рунией величать. И пообещал напоследок Яр-бог лично за Рунией приглядывать-присматривать. С тем и отбыл Триждысветлый для доклада Рассветлейшему о проделанной работе. А у народа рунийского с тех самых пор все дела стали делаться через эти самые три сакральные руны. Но не отчаивались руничи славные, помнили, что сам Яр-бог Триждысветлый за ними приглядывать обещал. Вот и жили с той поры руничи, не тужили. Жили-поживали, угодя обживали: друзей наживали, да врагов изживали (а иногда и наоборот); своих били, чтобы чужие боялись (а иногда и наоборот); дань платили, когда чужих боялись (а иногда и наоборот).

В общем, жили они долго и... вот до чего дожились...

Итак, дальше уже более подробное продолжение этой старой как мир истории, начавшейся когда-то давным-давно с лёгкой руки Высшего Разума.

Читайте, и зачтётся вам *там!*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Нам ли с вами не знать, что испокон веков первым главой в любом царстве-государстве являлся всенародно избранный наследный правитель: король, царь, султан, хан, конунг и т. п. Раньше, конечно, немного по-другому правителей называли. Если брать с самого-пре-

самого начала (с тех самых «испокон») то «вожак стаи», потом – «вождь племени», затем – «старейшина рода», после – «староста общины», дальше уже – «глава района» и так далее по нарастающей.

В нынешнем же конкретном случае на никогда не пустующем, а потому почти святом, месте правителя Великого Княжества Рунийского совершенно неслучайно оказался, соответственно, Великий Князь с звучным именем Свистослав, да с велегласным прозвищем Златоглавый. И дабы утолить ваше неискоренимое любопытство, которое никоим образом не является пороком, давайте сразу предадим огласке только правдивую информацию по данному князю – всё начистоту, без подхалимства, лести и лицемерия.

Итак – Его Светлость Великий Князь!

Ох, и князь он был, я вам скажу, Свистослав-батюшка – всем князьям князь! Если первых людей Всевышний лепил из глины (читай – из грязи), то предки Свистослава, как минимум, были вылеплены из душистого белого каравайного мякиша.

И никакой глины (читай – грязи)!

Видимо именно поэтому венценосный монарх Рунии был такой душка и умничка, а ещё такой бережливый, сердобольный и обходительный, что никаким, знаете ли, пером не описать. У него даже кнутовище из чёрствого печатного пряника было. Вот он, какой, князюшка был.

Да чего далеко ходить. К примеру, главную беду государственного масштаба, имеющую место быть в любом приличном государстве, а это, как всем общеизвестно, дороги, он одним взмахом гусиного пера, смочённого заточенным концом в гусь-хрустальной чернильнице, порешил едва ли не на веки вечные. Дороги федерального значения, будь они неладные, он указом своим княжеским, имеющим силу закона, повелел «трактами» да «большаками» называть, межхуторские грунтовки – «проезжей частью» без зазрения обозвал, а остальные стёжки-дорожки – «просёлками», «просеками» да «тропинками» нарёк. А ежели нет дорог, а вместо них лишь тракты, да просеки, то, юридически это значит что одной бедой в стране меньше стало и к судебной-исполнительно-законодательной власти (читай – светлейшему князю) уже вопросов относительно «проезжей части», или как её там ещё, уже ни у кого не должно быть.

Кто-то спросит: «Извольте, извольте, а с дураками он что сделал? Это ведь тоже одна из бед государственных!».

Так, может для какой другой страны это и была беда, но только не для Рунии славной. В ней в ту пору дураков вообще не водилось. Не отрицаю, полудурков хватало с лихвой, а вот радикальных дураков ни одного. А ежели имеются только полудурки, то значит и не беда эта, а так, полбеда. Вот значит как-то так! Усекли?!

А прозвище Златоглавый к князю прилепилось не только за его умную голову, но ещё и потому что свою наследную корону из золота высшей пробы князь Свистослав не снимал даже в парилке банной. Злые языки распускали дезинформационные слухи, что сросся он с ней, а проверить, естественно никто не решался.

Вот, какой положительный князь Свистослав был. Он и госслужбы не чурался, с гоблинами не якшался и на месте не сидел, почти всё княжество изъездил, и всё знать в княжестве хотел. В общем, такой умничка был, куда бы деться. Но и это, как ни крути, опять всего лишь бесхитростная присказка, мудрая сказка будет где-то впереди.

В ближайшей же перспективе на передний план выходит лишь нота протеста и даже ещё хуже, которая незаметно подкралась к славной Рунии в длинной череде других, ничем не приметных, рутинных шестнадцатичасовых рабочих княжеских дней.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ежедневно, едва лишь лучики ясного утреннего солнышка добирались до резного княжеского престола, как великий князь Свистослав начинал кипучую государственную деятельность.

Глядите-ка, вот уже и солнечные лучики, а значит – что я говорил! – вот и государь, лёгок на помине.

– Встать, князь идёт! – скомандовал Архистрах Плутархович, старший дьяк официального протокола, заслышав скрип двери за княжеским престолом.

Раздались тяжёлые шаги и из опочивальни, насвистывая бравурный марш и позвякивая шпорами, в официальном костюме с бабочкой, расшитом золотыми великокняжескими знаками различия, с эполетами, лампасами и царскодедмбельскими аксельбантами, вышел князь. Солнечные лучи заискрились на его орденах, медалях и юбилейных значках, заставив зажмуриться придворных от нестерпимого блеска.

Обогнув дубовый постамент, Свистослав Златоглавый торжественно взошёл по ступеням и, крихтя, опустился в кресло, по бокам которого привычно расположилась колоритная парочка – придворные шут с палачом.

Князь был уже немолод. Будь это сказка, можно было смело молвить, мол, тридцать сороков князь уже «отмотал» на престоле. На самом же деле, только четвёртый десяток его правления разменяла Руния славная, только четвёртый срок его к закату клонился. Да, князь хоть и был немолод, но всё ещё держался бодрячком.

Сегодня же, справедливости ради стоит отметить, он выглядел не больно здоровым. Ну (поделюсь государственным секретом, а может даже и военной тайной), просто тут, понимаете, так совпало, что вчера князь закончил сочинять очередной закон «О борьбе с коррозией» и позволил себе немного расслабиться, а тут как назло пожаловало синепянское посольство со своей рисовой аракой и осточертелыми предложениями по пересмотру межгосударственных соглашений после какого-то там давнишнего «сотворения мира в пятизвёздочном храме». Рыться в пыльных архивных сундуках, стоявших на антресолях, в поисках этого самого договора по «сотворению мира» князю ох как не хотелось. По крайней мере, не в этот раз.

В общем уже было глубоко за полночь, когда нетвёрдо державшийся на ногах князь Свистослав, собственноручно подсадил в дупель «синего» синепянского посланца в его «мандариновую» карету и, облобызав «дорогого гостя», ещё раз напомнил ему передать «великому императору Ху Ан Хуэю», дескать «уважаемый Ху-Ху не шибко-ли вы много хо-хо?» (однако, здорово, наловчился по-ихнему «шпрехать», княже). После чего посольство всё ещё дружественной стороны отправилось на ночь глядя, с княжьего двора в обратный (а кто-то, мирно посапывающий в карете, и в последний) путь.

Так, со всей широтой загадочной рунийской души, великий князь вновь отсрочил эти занудные переговоры с настырными синепянцами, и гарантированно обеспечил себя на ближайшее время похмельным синдромом с сопутствующими ему «оттягчающими обстоятельствами», то бишь головной болью и тошнотой. А что вы хотите, международная политика дело тонкое и неблагодарное.

Итак, ещё не подлечившийся с утра князь, взгромоздясь на престол, внимательно осмотрел чинно сидевших на лавках бояр, в глазах которых читались преданность и... угрызения совести.

«Эвон как!» Скажете вы.

Да представьте себе!

Все они уже знали о нелёгкой доле, выпавшей князю прошлым вечером и каждый из них, понимая каково сейчас государю, просто мечтал оказаться на месте князя Свистослава.

Эй! Вы опять всё не так поняли. Не на престол они метили и даже не по прошедшему без их участия банкету сокрушались, а исключительно о том, что лучше бы их твердые черепа раскалывались вместо княжеского.

Опять двадцать пять!

И вовсе не от того они все как один желали этого, потому что князь в такие моменты был непредсказуем и зол. Просто они очень любили своего правителя. Да, по-своему, по-боярски, но любили!

Да что я вам тут доказываю! Просто верьте на слово и давайте больше не отвлекаться. Как сказал один уважаемый товарищ, отправлявшийся *туда* вторым – поехали дальше!

Князь, тем временем окончил созерцать своих подчиненных. В его тяжёлом взгляде мелькнули озорные огоньки.

– Чегось это все такие неестественно сурьёзные и загадочные? Что не галдим, не сплетничаем, как обычно? – поинтересовался князь, похмельный «обруч» немного разжался вокруг головы, можно было и пошутить, взбодрить сидевший как на – не к вечеру будет сказано – поминках, народ.

– А я знаю почему, – улыбнулся князь. – Не по фэн-шую сидите, руничи!

Князь вновь улыбнулся. Десятки вымученных, заискивающих боярских улыбок, потянулись ему навстречу, словно первые одуванчики к тёплому солнышку. Бояре не могли поверить, что сегодня грозовой фронт прошёл стороной – князь был на удивление адекватен и мил.

– Ладно в молчанку играть! Знаю я вас скромников. Что у нас сегодня из важных мероприятий запланировано? У кого какие проблемы по направлениям? – потирая усыпанные перстнями руки, обвёл князь бояр-трудооголиков, ни свет, ни заря уже накидавших сугубо важные проекты по получению субсидий из казны княжеской.

– Не вели казнить, князь! – введённый в заблуждение любезным княжеским тоном, первым с челобитной подскочил бойкий боярин здравоохранения. – Беда у нас в медицинском секторе. Беда!

– Никак опять «эпидемия» неладная приключилась?! – пригорюнился, было, князь; этого ещё на его больную голову не хватало.

– Упаси господь! – перекрестился боярин-медик, трижды плюнул через плечо и, не дотянувшись до какого-нибудь дерева, постучал себя по лбу (ну, это, обычная профилактика эпидемий у медперсонала такого ранга). – А у нас тут дело похлеще чумки намечается. Я подозреваю, великий князь, – здравоохранитель перешёл на шёпот, подозрительно позыркивая по сторонам, – налицо, заговор круговой поруки.

– А вот отсюда давай-ка поподробнее, – подался вперёд князь и вновь «обруч» сдвинул его виски, понемногу наливая глазные яблоки кровью.

– Народ наш совсем оборзел, ни в какую не хочет лечиться в наших аптеках, чёрт бы их побрал, – ответил боярин здравоохранения, причём не уточнил, кого побрал, аптеки али народ прихотливый. – Зажрались люди. В последнее время, в основном к неофициальной медицине – ведунам, да знахарям, – обращаются. У тех и ценовой прейскуртант гораздо ниже, и эффект от лечения, по недоказанным слухам, аргументам и фактам, гораздо выше. Аптеки в убыток работают, дорогие иноземные пилюли, присыпки и инъекции, с сертификатами и инструкциями по применению, никто брать не желает. Даже ежели рецепт выписывают, отказываются, привереды, таблетки жрать. Так мы с главврачами скоро по миру пойдём. Надо отрасль модернизировать, чтобы заговорщики вновь к нам потянулись. Изволь, батюшка милостивый, из казны на развитие отрасли здравоохранения немного ассигнований пожаловать.

«Болван! – сверля взглядом боярина, обрадовано подумал князь, что никакого заговора не случилось. – Или как там у них по медицински – дэбил! – только сейчас, сквозь багровую пелену налитых кровью глаз, государь „разглядел“ истинную суть верховного медика, – Ничего не поделаешь, для общего урока придётся им пожертвовать».

– Ишь ты, какой шустрый, хороняка! – чеканя слова, вслух произнёс князь и свёл брови с такой силой, что краснолицый боярин побледнел. – Земских врачей и ветеринаров уже по миру пустили. Бюджет своего ведьмовств... тьфу, то есть ведомства, профукали на заморские «чудо-пилюли». А народ наш, он, в отличие от некоторых, совсем даже не дурак. Он нашим волхвам больше верит. Вот бери своих главврачей и дуйте скопом в лес, учитесь у ведунов и колдунов нашему, рунийскому искусству врачевания, знахарству и прочему. А чтобы неподводно было в следующий раз иноземными вакцинами увлекаться, повелеваю перед отправкой на «повышение квалификации», всыпать тебе... – князь на минутку задумался, – хотя нет, лучше влить. Так вот сделать ему противомалырийную клизму, – Свистослав Златоглавый многозначительно посмотрел на застывшего слева палача, – и прививку от дизентерии, вдобавок, чтобы от натуральных лесных харчей не пронесло наших ушлых врачей, – удачно срифмовал князь, и довольный собой, невольно улыбнулся.

Палач кивнул и, бесцеремонно схватив согбенного боярина за шкирку, потащил его через боковую дверь в свой рабочий кабинет, или, если быть до конца точным – офис (у ребят подобных профессий рабочие кабинеты называются именно так).

– Не губи, отец родимый! – запричитал боярин здравоохранения, одновременно пытаясь впасть в кому, как до него некоторые высокопоставленные симулянты, и выпасть из княжеской немилости. – Клянусь Гиппократом, я всё исправлю. Лучше уж плетей, но только не прививку. Их же детишкам ставят! А-а! У меня, кажись, инсульт! Скорую-уу! Карету мне, каррре...

Дверь за палачом и его «жертвой» захлопнулась, и истошные вопли «медицины» оборвались на истерической ноте «ре».

Государь даже ухом не повёл. Посчитал, что и так мягко обошёлся с «медиком». Ах, если бы он знал про прививки то, что знали лекари, он бы так не считал, а сжалился над старым больным человеком, почти уже коматозником. Ну, да и ладно, не наше дело государевы решения комментировать.

– Ну, кто следующий с челобитной? – оглядел князь мигом поникшее боярство.

Все как-то сразу почувяли, что государь оказывается сегодня и впрямь не с той ноги встал, а поэтому больше ни у кого желания кланчить деньги из казны не появилось. Поглядев, как поплатился «медик» за свой длинный язык, остальной боярский люд сидел чинно, не шелохнувшись, и положила руки на сердце, на почки, на печень (в общем, у кого что болит) молился, опасаясь нарваться на более крупные неприятности.

Даже недавно назначенный боярин образования и науки, который, ещё не испорченный высокой должностью и какой-никакой властью, пытался создать по княжескому хотению, достойный университет не на иноземный, а на рунийский манер, не решился показать князю предварительную смету расходов.

– Хорошо, с нашими баранами разобрались, что там от иноземных баранов слышно? – видя, что никто больше не горит желанием попросить «на развитие отрасли», князь Свистослав перевёл совещание в русло международных отношений.

– Ну, с заморскими не заморскими, а от одного иноземного сатрапа есть официальное уведомление, – поклонился в ноги князю боярин иностранных дел и потех.

– Что там?

– Прибыла к тебе, великий князь, нынче с утра, «дипмиссия» от плутовского короля Филиппа.

– Дипмиссия? Баба что ли? Ну, у них и имена дурацкие, – усмехнулся князь, что послужило сигналом для дружного заискивающего смеха всей боярской артели.

– Никак нет! – без тени улыбки ответил «МИДовец». – Это, попросту говоря, посольство пожаловало, причём с неким категоричным и агрессивным ультиматумом.

– А агрессивный ультиматум, это как я понимаю, имя посла ихнего, много говорящего матом? – вновь попытался князь полушутливо «угадать», естественно, известное ему слово и вновь, как по мановению волшебной палочки, синхронно захихикало «придворье». Эх, если бы не тяжесть в ноющей голове, князь бы давно заподозрил неладное и перестал метать бисер своего искромётно-плоского юмора.

– Нет, это почти как нота протеста, только гораздо хуже, – серьёзно (он-то понимал всю серьёзность ситуации) ответил боярин Иностранных Дел и Потех. – И их посол просится на приём к тебе, чтобы зачитать сей ультиматум.

– А и зови сюда посла ихнего, послушаем, что им там надобно от нас, – махнул рукой князь и щёлкнул пальцами. По этому знаку боярин иностранных дел и потех ушёл за плутовским послом, а князю поднесли на красных подушечках с голубыми каёмочками скипетр и державу, символы княжеской власти. Взяв «венценосные вещдоки», как сам князь называл оные символы, Свистослав Златоглавый приложил на несколько секунд прохладную державу ко лбу. Немного ободрившись, он сел поудобнее и кивнул стоявшим на дверях стражам, дескать, валяй, запускай.

Те раскрыли золочёные двери, пропуская внутрь боярина иностранных дел и потех с официально скорченной, согласно церемониальному протоколу, физиономией. Немного запутавшись в складках своей одежды, МИДовец чуть не растянулся посреди зала, но устоял (а значит и карьера не рухнула) и, обливаясь потом от пережитого стресса, громогласно объявил:

– Посол плутовского короля Филипса, барон фон Телефакс!

Позвякивая стальными латами, в помещение строевым шагом вошёл рыжий рыцарь с длинными обвисшими усами и заплетёнными по-девичьи косицами. Мешки под его поблекшими глазами свидетельствовали о большом жизненном опыте их обладателя, а красный сломанный нос выдавал в нём большого любителя светской жизни и ревностного искателя приключений.

Остановившись в середине залы, барон фон Телефакс поклонился князю, насколько позволяли громоздкие доспехи.

– Моё почтение, рунийский князь Свистослав! – рявкнул рыцарь-посол, вдобавок к поклону два раза топнув правой ногой.

Князь в ответном приветствии, по заведённому обычаю, сострыпав на лице скучающую кислую мину, едва заметно кивнул.

– Я имею честь предъявить вам ультиматум от моего сюзерена короля Филипса Загребущего, – доложилась фон Телефакс.

– Да-да, пожалуйста! – зевнув, крутанул князь на пальце державу, словно баскетбольный мяч и приложил прохладный скипетр к мозжечку – похмельный «обруч» незаметно «сполз» на затылок.

– В данном документе содержатся выдержки из нашей военной доктрины, которые оправдывают решение короля и его военно-политических советников, – продолжил рыжий посол дипломатично подводить беседу к сути переговоров. – Таким образом...

– Милейший! – перебил его князь, отбирая скипетр у, не к месту «распаяцавшегося», шута. – Давай кратко и самое основное. У меня и времени в обрез, и самочувствие, как видишь, не «ля фонтан» или как там, по-вашему. Читай уже скорее Филькину грамоту.

– О'кей! – согласился с предложением фон Телефакс, исподлобья глянув на князя, но возмущаться по поводу «Филькиной грамоты» не стал, сдержался.

Хотя, если честно, посол иноземного короля был старым заслуженным рубакой и эти дипломатические штучки-дрючки его сильно напрягали. Телефакс любил рубить правду-матку с плеча, коротко и по делу, и предложение князя, скорее зачитать ультиматум ему самому пришлось по душе.

Рыцарь развернул грамоту с королевской печатью и, нацепив для солидности подарочный именной монокль, зачитал концовку, как он полагал, ту самую суть ультиматума:

– «В противном случае мы объявляем вам войну запятая, выдвигаем войска в район Верхнего Колоторья запятая и в решающей битве разбиваем вашу армию тире наголову восклицательный знак».

Затяжное молчание было ответом на доклад иноземного дипломата. Впрочем, вскоре оное молчание нарушил не уловивший и толики здравого смысла князь.

– Позвольте спросить, сударь, – в такие неловкие моменты княже становился сама учти-вость. – Если я не ошибаюсь, а я наверняка не ошибаюсь, перед вашим объявлением войны, наверняка должны были быть какие-нибудь трудновыполнимые условия для нашей стороны? Не так ли?

– А-а, ну да, конечно! – стукнул себя твёрдой стальной перчаткой по не менее крепкому лбу фон Телефакс.

– Будьте добры, зачитайте нам и их, что-ли, – с трудом сдерживая ироничную улыбку, попросил князь.

– Минуточку! – рыцарь пошарил глазами по тексту документа, мурлыча себе под нос «тэкс, ес, ес, обэхээс», и, найдя нужный абзац, обрадовано воскликнул, – Бинго!

– Читайте же уже! – в княжеском голосе начинали сквозить нотки недовольства, не ровен час, государь мог сорваться и выгнать в шею нерадивого иноземного посла, что грозило пере-расти... хотя, чего уж там, и так уже супостаты войнушкой грозили.

– «В виду того, что ваши владения занимают одну шестую часть суши запятая, – прочитал рыцарь. – А без учёта ещё не открытых мореходами Кровавым Колумбийцем и Куком Съедобным континентов запятая так и вообще одну четвёртую её часть точка. Мы предлагаем вам передать в наше владение хлебородные плантации на зюйд-вест, то есть на юго-западе государства вашего запятая вместе с деревнями запятая холопами запятая скотом и сельскохозяйственным инвентарём точка», – посол снял монокль и спрятал его под кирасу, – вот, в принципе, все условия.

Хотел, было, возмущённый такой наглостью князь куда подальше послать посла (если на то пошло, на то ведь он и посол), но, проявив завидное хладнокровие, сдержался.

– А с какого перепуга, простите, любезный барон фон Телефакс, мы должны с каким-то там Филипсом землёю нашей родимой делиться? – предельно культурно поинтересовался князь, хотя глаза его вновь подёрнулись алой плёнкой. – Он вам, перед тем как послать к нам, не объяснил, нет? Ладно, если бы там повод, какой придумали, например наследника у себя пришили, или наследницу совратили и на кого-нибудь из наших списали.

– Конечно, прости меня, князь рунийский, – вновь попытался поклониться рыцарь, пропустив мимо ушей «примеры» княжеские. – Но, во-первых, наш сюзерен не «какой-то там Филипс», он есть наследный монарх всея Плутвы Филипс Загребущий.

– Да и бог с ним, с вашим Филипсом, – отмахнулся князь Свистослав и насупился. – Ты сам подумай, Телик, на кого вы, во главе со своим сюзереном, замахнулись?

В притихшем тронном зале запахло жареным.

– Эй, там! Распорядитесь, чтобы стряпухи двери на кухню закрыли, с мысли сбивают своими ароматами пахучими! – отвлёкся на минутку князь. В дверях мелькнуло испуганное лицо старшей стряпухи, в простонародье шеф-повара – внушительной женщины бальзаковского веса, роста и возраста. Дверь резво захлопнулась. Проследив за исполнением своих указаний, князь вновь переключился на иноземного посла. – Так, ну и на кого вы замахнулись, ась?

– На дикую языческую Рунию! – уверенно, как в костёльно-приходской школе научили, ответил посланный рыцарь.

И вновь по палатам княжеским повеяло едва различимым запахом жареного (но в этот раз уже в самом что ни есть переносном смысле). Даже миролюбивый митрополитик, завсе-

гдатай в княжеском тереме, призывавший всю свою сознательную жизнь к «веротерпимости» и «ближнеголоубости» еле сдержался, чтобы не треснуть необразованного «богохульника» крестом по макушке, чтобы тому впредь неповадно было так наговаривать. Остальные бояре в страхе зажмурились.

– Фи-и, дикую, – однако, вопреки самым наилучшим ожиданиям бояр, совсем даже не расстроился князь, он-то не понаслышке знал, как с детства дурят иноземцы своих детишек, настраивая их против великого, а кое-где и продвинутого славянского этноса. – Ты сам не знаешь, что городишь. А насчёт того, что земли у нас немеряно, это одни сплошные враки, всё меряно-перемеряно и вымеряно, лишней, увы, нет, – князь подозревал боярина образования и науки, – Мишута, принеси, дорогой, нам геополитические карты мира.

Учтиво поклонившись, вышеуказанный боярин метнулся в свою каморку.

– Сейчас я тебе покажу что-то, – подмигнул Свистослав Златоглавый иноземному послу почти по дружески, хотя язык так и чесался отдать приказ насадить глупца в блестящих консервах на кол.

Тем временем вернулся запыхавшийся боярин с картами.

– Разверни-ка, любезный, для начала, срединновековую карту! – указал князь боярину. Тот, с любезной помощью боярина иностранных дел и потех, мигом развернул на длинном столе затребованную князем карту.

Князь, посол-рыцарь и бояре плотно, как на командно-штабных учениях, обступили стол с красочной картой.

– Гляди, вот она – современная срединновековая геополитика, – широким жестом взмахнул скипетром над разноцветным ватманом князь. – Вот Руния-матушка! Широка страна моя родная, да? А вот ваше плутовское королевство. Прямо скажем, невелика пташка. Так сильно хотите заваруху устроить? Может тогда вам лучше на какой-нибудь Нихферштейн двинуть войска? Ничего что маленькая страна, зато у них и армии, наверное, нормальной нет. Взвод пращников, не больше. Их-то наверняка одолеете.

– Но, князь! – попытался напомнить суть ультиматума фон Телефакс. – Нас интересует именно земельный вопрос!

– Земельный, говоришь? – хитро прищурился князь Дмитрий. – Ладно, теперь разворачивайте допотопную карту мира.

Княжеское указание было исполнено весьма быстро. Сверху на средневековую карту легла древняя геополитическая карта мира, писаная допотопными географоманами: взятые в овал континенты, изображённые на спинах трёх улыбчивых китов.

– Теперь, дорогой барон, возьми указку и покажи нам, пожалуйста, где Руния, а где ваше королевство? – учительским тоном произнёс князь, хотя никакой указкой здесь и не пахло.

Рыцарь сосредоточенно склонился над очередной картой и долго водил по ней стальным пальцем, ища свою Плутву.

Сжалившись над ним, князь вновь заговорил:

– И не ищи её, всё равно не найдёшь. Руния она вот на две трети древней карты, а про вас ещё тогда никто, ни сном, ни слухом, ни духом...

Князь криво усмехнулся.

– А теперь покажите «ДоИЗТорическую» карту.

На стол легла самая ветхая доисторическая карта земель. Рисунок континентов на ней был почти такой же, как и на предыдущей, только без островных Атлантирии и Лемурии, и вместо китов, землю держали три слона уверенно топтавшихся на большой морской черепахе, изображённой с на удивление расслабленными, я бы даже сказал медитирующими, чертами лица.

– А здесь уже Руния на три четверти всей суши раскинулась, – «похвастал» князь перед послом. – Вот тебе и земельный вопрос. Если хороших адвокатов нанять, можно ведь и назад

исторические границы нашей необъятной родины вернуть. Так что передай своему королю, адьюс амигос, пусть не лезет к нам со своими бредовыми идеями.

– Да, но сам Крёстный Папаня, благословил нашего короля мудрым изречением, мол боги, того самого, делиться с ближним завещали, – проболтался фон Телефакс и больно прикусил свой длинный болтливый язык.

– Ах, так вот откуда таким коварным сквознячком потянуло, – улыбнулся князь. – Так вот вы ему передайте, пушай награбленным его инквизиторами и массонами с вами и поделится. От него не убудет. Мы тоже тут кое-чего знаем, – князь переглянулся с боярином внешней разведки и диверсии, – а Филипсу вашему скажите, дескать, не стоит плясать под чужую дудку, можно стать хорошим танцором, в плохом смысле этого слова.

– В смысле? – не понял заумного ребуса посол.

– Ты ему передай слово в слово, он уже сам додумает.

Немного замороченный князем, посол почесал рыжий лохматый затылок.

– Нет, великий князь рунийский, так не пойдёт, – догадался рыцарь, что ему аккуратно стараются «запудрить мозги». – Ты прямо скажи, а лучше уж письменный дай ответ, принимаешь ультиматум, али принимаешь вызов?

Князь задумчиво смотрел на рыцаря. Может, ну его, препираться, думал самодержец, взять, да и этого посла напоить по заведённой традиции. Но князь понимал, что второго «раунда переговоров» его печень может и не выдержать, да и для хорошего застольного «противостояния» у него уже, если честно, энергии «цинь» не было.

Думал Свистослав Златоглавый, думал, и решил повременить с фуршетом, а попытаться, так сказать, уговорить посла «малой кровью».

– Ну что ты заладил, ответ-ответ, ответ-ответ, – стал почти по-отечески укорять посла, князь. – Я же тебе рунийским языком пытаюсь втолковать, что, так, с кондачка, дела не решаются, мне ещё с советниками посоветоваться надо, а у них знаешь на рассмотрение одного вопроса повестки сколько времени уходит? Уйма и ещё почти столько же! Ты, давай вот что, езжай сейчас к королю, скажи, что мы тут ещё думаем, кумекаем, варианты рассматриваем, встречные предложения готовим. А как лёд на реке встанет, смело приезжай за ответом. У нас зимой знаешь как хорошо?! Все завоеватели и претенденты, кто в эту пору пожаловал, надолго у нас задерживались, а чаще и навсегда.

– Так весна нынче в разгаре, только ледоход прошёл! – подозрительно покосился на князя рыцарь. – Лёд теперича лишь через полгода встанет!

– Вот и славно! Вот и здорово! Тогда и просим в гости! Времечка нам впритык, тютелька в тютельку хватит.

– Не выйдет, князь! – сказал, как отрезал, бывалый рыцарь. – У нас уже на июнь месяц план «Барбарунча» утверждён, так называемый «блицкриг». По нему Рунию будем завоевывать, и разбазаривать направо и налево.

Князь переменялся в лице, но – выдержки ему было не занимать – умело играя спрятанными в бороде желваками, сдержал рунийский монарх свой пыл.

– Дорогой мой, фон Телефакс, – отдав скипетр на попечение шута, князь взял под руку посла и повёл того к выходу. – Зачем ваш «Барбарунча»? Не надо. Мы, рунички, войны не хотим. У кого хошь спроси, хотят ли рунички войны? Все как один скажут, ничего подобного! – князь вынул из кармана леденец на палочке, – Вот лучше возьми вместо ответа, передай королю своему от меня «барбариску». Это наш миролюбивый ответ на ваш окаянный «блицтурнир» «Барбарунчу».

– Что ты хочешь сказать этим, великий рунийский князь? – нутром чуя подвох, но, не осознавая в чём именно, спросил посол.

– А в том, дорогой, – мило улыбаясь, ответил князь. – Пусть пососёт ваш король этот леденец, да и его советчик «папаша» вместе с ним.

– Я всё понял, остроумный рунийский князь, – поклонился фон Телефакс князю Свистославу. – Значит война?

– Война, дорогой, война! – подмигнул рыцарю князь. – Скачи, обрадуй своего короля, пока кол в одно место не воткнули!

– О кей! Мы ждём вас ровно через месяц, в четыре утра, на поле у Колоторья! – выдал последнюю военную тайну посол и, напялив на рыжий череп, шлем, обиженный, но вдохновлённый, покинул княжеские палаты.

– Мы придём! Мы обязательно придём! Мы вас всех там откапитулируем! – грозя кулаком, крикнул князь ему вослед. Похмельный синдром, почувывая неладное, немного отступил перед княжеским напором, сняв на некоторое время осадный «обруч» с головы государя.

– Внимание сюда! Объявляю военное положение! – сердито провозгласил Свистослав Златоглавый и спешно организовал военный совет, кстати, под эгидой которого и прошла следующая глава.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Перед военным советом, как и положено, по законам военного времени, все бояре княжеским указом были в одночасье переназначены в воеводы, оперативно развёрнуты карты местности меньшего масштаба и нужного района, охрана дворца переведена на усиленный режим, а вражеские лазутчики, промышлявшие во дворце под видом лакеев, отданы в распоряжение палача и его помощников, на обработку по ранее утверждённому плану.

Сам князь, с умным видом склонившись над картой местности, попытался разгадать, в чём заключался тайный замысел противника, вознамерившегося дать битву в таком подозрительном, судя по данным на карте, месте. Равнина приграничного Колоторья, была окружена с одной стороны непроходимым лесом, с другой озером. Места кот наплакал и то что «наплакано» всё сплошь в оврагах да ухабах. Как в таком месте воевать, непонятно.

Так ничего и не «разгадав», великий князь вернулся на престол, нервно зевнул и лёгким кивком головы открыл военный совет. Из толпы «бояро-воевод» насильно выпихнули воеводу полководческого штаба, пухлощёкого пузача-бородача (хотя нам с вами эти «особые приметы» ничего конкретного не скажут, так как бояре-воеводы на загляденье все как один были пухлощёкие, пузатые и бородастые удалыцы). Обиженно покосившись на оставшихся за спиной доброхотов, воевода-штабист умело расставил на карте несколько десятков солдатиков. Со стороны противника, он расставил синих оловянных рыцарей, во главе которых стоял одноногий солдатик, символизировавший вражеского полководца Бондюэля, потерявшего ногу в многочисленных междоусобных распрях. С нашей же стороны, воевода расставил вырезанные из дуба широкоплечие фигурки богатырей, выкрашенных в красные цвета, так что они образовали плотный заслон по государственной границе рабочей карты местности со стороны предполагаемого вторжения. Сразу видно, перед князем рубился в солдатика опытный и грамотный стратег.

– Вот, великий князь! И никакая хунта поганая не сунется к нам! – изрёк свой гениальный стратегический план воевода. – Как вам, государь? – поинтересовался «генштабист» и затаил дыхание в ожидании княжеской резолюции. В унисон с ним затаили дыхание и остальные «силовики».

– А что, круто и нешаблонно! – выставил большой палец князь и у «силовики» отлегло на сердце. – Ещё предложения будут?

Князь обвёл взглядом высокопоставленную челядь и, задумавшись о чём-то своём, о личном, чуть дольше задержал его на воеводе иноземных сношений (том самом, переназначенном боярине иностранных дел и потех). Истрактовав этот долгий задумчивый взгляд по своему усмотрению, воевода иноземных сношений, вопреки своему же жгучему желанию затеряться в толпе, робко поднял руку.

– Коловруша, у тебя есть что сказать? – удивлённо повёл бровью князь Свистослав и благосклонно кивнул, мол, валяй, выкладывай.

Судорожно ища ответ сразу на два вопроса – зачем он, собственно, поднял руку, и чтобы такого эдакого «навешать» князю, раз уж поднял её, неладную, – «сношенец», что-то там придумав, обрадовано крикнул, вытащил из кармана потёртую колоду карт и разложил почти классическую «косынку» крестовой масти рядом с солдатиками «генштабиста».

– Насколько я знаю, рыцарские полководцы всегда используют один и тот же хитрый манёвр – «клин», или как наши, солдатушки-бравые ребята, прозвали их боевой порядок – «свинское рыло», – разъяснил окружающим воевода, что это вовсе не банальная «косынка», а элементарная модель боевого порядка «крестовых», и – ловкость рук и никакого мошенничества – виртуозно раскидал карты червовой масти в зеркальной, относительно карточных «крестоносцев», последовательности. – А мы, по старорунийской традиции – «клин клином»

их. То-то оккупанты удивятся! Как вам господин Верховный Главнокомандующий князь такой расклад?

Воевода иноземных сношений с облегчением ткнул пальцем в разложенную на боевой карте колоду игральных карт: кое-как «отбрехался» со своим предложением, можно и дух перевести.

– Тоже неплохо, – похвалил и его князь и, особо не надеясь на более «гениальные» планы воевод, на всякий случай поинтересовался: – Ещё у кого есть идеи?

Больше идей у воевод не было. Хотя нет! Воевода военно-прикладной науки (следуя логике нашей повести, вы уже смекнули, что это никто иной, как переназначенный боярин образования и науки) поперхнувшийся слюной (в зале военного совета, несмотря на потуги кухарок, позакрывавших и двери, и даже ставни на кухне, до сих пор пахло жареным, пареным, тушеным и печёным, и пахло, я скажу вам, весьма недурно) деликатно закашлялся.

– Мишута? – почти без тени иронии удивился князь Свистослав Златоглавый, знавший боярина от науки, как человека сугубо мирного, в военном деле несведущего и даже, не при детях будет сказано, пацифиста. – Ты тоже хочешь нам что-то предложить?

Несмотря на свою честность и порядочность, а также полную несведущность в военном деле, образованный воевода-боярин Мишута проявил кратковременную слабость и, продолжая нарочно покашливать, оттягивая время, лживо кивнул головой.

– Давай, озвучь, коли не шутишь, – подбодрил его князь и, поправив корону на темени, подался вперёд.

«Воевода» Мишута, впервые принимавший участие в подобном мероприятии, уже, однако, уловил общую суть и нюансы протекающего процесса, и не преминул предложить свой вариант развития событий. Для того чтобы это было более наглядно, как и в первых двух случаях, Мишута достал из-за пазухи походно-полевые шахматы и молниеносно расставил фигуры на чёрно-белой доске, положенной поверх секретной карты отечественных коммуникаций.

– Я так считаю, что их надо брать не столько силой или внезапностью, сколько военной хитростью, солдатской смекалкой, умом и сообразительностью, – озвучивая свой план, воевода военно-прикладной науки решительно переставлял фигуры по доске, безжалостно рубя пешки условного противника. – В начальной фазе боевых действий применяем индиотайскую защиту, затем ход конём, то есть, понятно да, бросаем конницу с фланга, – продолжал Мишута «пожирать» фигуры противника, – рокировка с резервом, вилка их королю и ферзю «папочке», то есть шах и мат!

Чёрный вражеский король, символизировавший неугомонного Филиппа Загребущего, лёг у «ног» белого шахматного «князя».

Не ожидавший такого неординарного «плана» князь Свистослав Златоглавый, взяв державу под мышку, даже похлопал в ладоши. Вторя хлопкам «верховного», по залу пронёсся порывистый шквал боярско-воеводских аплодисментов.

Польщённый таким вниманием, Мишута смущённо зарделся и шелбаном сбил с доски зажатого в угол чёрного ферзя «папочку», таким образом добив последнего потенциального захватчика. Своим докладом он показал всем сплетникам, что никакой он не пацифист, а нормальный рунийский мужик и всем этим сплетникам пришлось прикусить свои не в меру длинные языки.

– Замечательно! – подытожил расширенный военный совет князь. – Из всего сказанного и показанного здесь, я понял главное, надо бить врага на его территории, с использованием грубой богатырской силы, неординарных методов и воинской смекалки. Спасибо всем, сам бы я до этого ни в жисть не додумался. Если никто больше не хочет с помощью домино или, там, нард, добавить яркие штрихи к нашей безоговорочной победе над супостатом, разрешите считать военный совет закрытым. Все свободны!

Польщённые и окрылённые похвалой князя, бояре, возбуждённо переговариваясь и толкаясь, дружно покинули тронный зал. Последним вышел Архистрах Плутархович, старший дьяк официального протокола и осторожно затворил дверь, оставив князя наедине с шутком и вернувшимся к этому времени с экзекуции палачом.

– Вот, теперь можно поговорить по делу. Как говорится одна голова на плечах уже добре, а три – вовсе лепота. На троих соображать ладнее, хотя дело такое, что без «пол-литра» не разобраться, – проворчал князь. Достав из потайного шкафчика в троне шкалик царской водки и разлив оную по трём серебряным рюмкам, выуженным из того же тайничка, произнёс краткий и как всегда уместный тост. – Ну, здравы будем, руници!

Князь, шут и палач чокнулись и дружно выпили.

Князь от приёма «лекарства», взбодрился и военный совет продолжился в более узком кругу.

– Ну, а вы что скажете на всё это? – занюхав рюмочку драгоценными перстнями, князь обратился к своим собу... соратникам.

– Дело плохо! – серьёзно произнёс шут Сарканя, позвякивая колокольчиками на своей кепке.

– Чего так? – огорчённо протянул княже. Шута он тоже знал как облупленного и ведал, что если тот что-нибудь говорит, без этих вот своих дурацких ужимок, значит, так оно и есть. – А мне кажется затея с заслоном на границе, этот «клин клином» и «вилка» с «матом» совсем даже ничего?

– Ничего-то ничего, да ничего хорошего, – передразнил князя шут (на то ведь он и шут, чтобы и с князем паясничать) и, вздохнув, пояснил. – Чтобы претворить в жизнь идеи твоих воевод...

– Наших, – поправил шута князь.

– Не надо меня сюда приписывать, князь, не я их подбирал, – открестился от «сговора группы лиц» Сарканя и переглянулся с палачом. – Это целиком твои кадры.

– Шут с ними, что дальше? – отмахнулся Свистослав Златоглавый.

– Ещё раз говорю, шут не с ними.

– Да что ты заладил... это присказка такая, – нахмурился князь. – Говори уже.

– Так вот, чтобы претворить идеи этих дармоедов во что-то более-менее действенное, надо иметь что-то более-менее дееспособное, – ответил шут и криво ухмыльнулся.

– Давай-ка уже не паясничай! – рассердился князь на заумного шута и кивнул на палача. – А то сей момент скажу Сердюхе, он тебя мигом розгами отвадит словоблудничать.

– Не отвадит, – уверенно ответил шут и сплюнул на отполированный пол, и так ещё высказывая своё мнение на пустые угрозы князя.

– Почему это?! – подскочил Свистослав Златоглавый. – Что это значит?! Сговор?! Дворцовый переворот!? Иль, – прищурился князь, – тот самый рунийский бунт безжалостный и беспощадный?!

– Да расслабься, князь, – фамильярно положил палач тяжёлую руку на плечо своего прямого начальника. – Сам ведь знаешь, шуту по закону даже подзатыльники давать запрещено, а чтобы розгами или голову с плеч, это равносильно политическому самоубийству. На то он и шут гороховый!

– Верно! – опомнился князь, моментально сменив гнев на милость. – Фу-у! Нервишки шалят. Ладно, забыли. Давай уж, Сарканя, руби правду-матку, но не перебарщивай. Я всё же здесь покамест не пустое место.

Шут исподлобья посмотрел на князя и, чуть помедлив, ответил буквально следующее:

– Всё что здесь нагородили твои, князь, помощнички, яйца выеденного не стоит по одной простой причине – некем заслон ставить. Земли у нас полно, спору нет; народу куча; экономика ни шатко, ни валко, развивается; государство, вроде как солидное, вес в мире имеет.

А почему тогда на нас какое-то плутовское королевство «бочку катит», причём необоснованно, не по понятиям, так сказать?

– Да, и почему? – солидарный с началом шутовских высказываний спросил князь, думая, что вопрос риторический. Но он ошибся.

– Благодаря твоим реформам! – рубанул, не подумавши, правду-матку, шут. – Ты же нас слушать ни в какую не хотел; со своими боярами дров наломал, а как жареный петух клюнул, сразу «на троих соображать» позвал, да поздно уже.

– Как так поздно? Почему? – побледнел князь, хотя поначалу собирался гневно отчитать шута.

– Благодаря твоим реформам, – повторил изречение шута палач. – Ну вот, например, на кой чёрт ты профессиональную дружину разогнал, а рекрутский набор с пожизненного до пятилетнего срока срезал. Они же, сопляки, даже портянки за такой срок не научатся правильно наматывать, не то что ратному делу «должным образом». Это хорошо, что ещё не додумался на год рекрутов призывать, вообще курам на смех было бы.

Шут и палач дружно, но невесело рассмеялись.

– Зато сколько денег в казне сэкономили, – попытался парировать князь доводы собеседников. – Сколько уходило на дружину, уму непостижимо. Несколько годовых бюджетов этой самой Плутвы.

– Вот-вот, точняк. Теперь кормить будешь Плутву окаянную, – «передёрнул» шут опять не в пользу своего рачительного начальника. – Не хотел ты, княже, свою рать кормить, будешь чужую потчевать, и ещё дороже обойдётся. Их вояки кашу с щами не едят, им облизанью с бифидоштексами подавай. Тьфу!

– Что есть, то есть! Не на том экономил, князь, – поддержал шута палач.

– А про «мобрезерв» забыли? – восторженно спросил князь, «разыгрывая» очередную «карту». – Клич кинем! Всех под копыё поставим! Лозунг «За Родину-мать» выдвинем!

– Нет, сопляки-недоучки тебе точно не подмога, – со знанием дела «побил» его «карту» палач. – Бывалые же вояки, нынче разве что в партизаны сгодятся, а одними партизанами войну, как в прошлый раз, не выиграть.

– Ты бы ещё княже предложил понадеяться на покровителя страны нашей Яр-бога Триждысветлого. Как юридические всё время обещают, что вот-вот сойдёт рать небесная нам в подмогу и тогда всем места мало будет. Смотри на вещи трезво, князь!

Свистослав уныло вздохнул.

– Ну а может наших дружинников, солдатушек-ребятушек родимых, назад попросить? – совсем уже как-то неуверенно предложил князь и сжался в комок.

– Ага! Ищи-свищи их теперича! – продолжил «добивать» князя шут. – Они – мастера боевых искусств. Их заморские купцы, да правители себе в охрану пачками переманили. А после походов наших витязей на усмирение горных троллей, орков и гоблинов, когда тридцать трёх богатырей, Герач – прежний палач, тот, что с немого согласия князя Борисея, бросили в настоящее пекло против гоблинских полчищ, солдатушки вообще властям, то бишь вам, не верят.

– Это да! – согласился князь Свистослав. – Зря тогда бесноватого Борисея на царство допустил Михаставр своим малодушием. Навсегда это позорище пятном на его лысом челе легло. Лихо Рунию-матушку потрепало при этих деятелях.

– Да и на тебя лично обижены они, князь, – поддал «жару» палач.

– Да о каких обидах речь может идти, когда наша общая родина в беде! – пафосно произнёс князь и налив только себе, выпил «за победу рунийского оружия».

– Принципиальные они, дружинники, – добавил палач и, взяв у князя шкалик, разлил себе и шуту остатки водочки. – Пока не извинишься лично, не придут.

Оба выпили не чокаясь.

– Кстати, «за рунийское оружие», – выставил палец шут. – Оно морально устарело. Сейчас уже такие мечи как у нас никто не куёт. Для своего времени «меч-кладенец», «кладаш» в простонародье, был чудо-оружием, а нынче и он «поза-позавчерашний день». Все уже давно в доспехах сплавы используют, их катапультой-то не пробьёшь, а мы всё кольчуги вперемежку с лаптями плетём.

– Да-а, мне бы легендарный «ядрёный щит» Велесара, или хотя бы одну «булаву» Перувла, – мечтательно закатил глаза князь. – Я бы показал им кузькину маму в ихней юнайтед нейшенле и ещё каблуком кому-нибудь челобитную устроил.

– Кстати, насчёт оружия богов. Я намерен у одного лазутчика выпытал, что у заморских есть такое чудо – боевые топоры «томагавки», – как бы невзначай добавил палач. – Что за штуковина и как они фунциклируют не знаю, врать не буду. Но бают как на исповеди, якобы одним таким «томагавком» зрелого дракона вдребезги разнести – раз плюнуть.

– У-у, – застонал князь как от зубной боли. – Уб-бедили! Дело – дрянь! А что же тогда делать?!

– Надобно наёмников нанять, – выдвинул вариант палач. – У меня есть знакомые свикинги. Безбашенные ребята! Правда злата-серебра много уйдёт.

– Нет!!! – оборвал его князь. Когда дело касалось существенных финансовых расходов, он был неумолим. – Не пристало нам, руничам, за подмогой наёмной обращаться. Стыдно нам должно быть! Нежели в нашей стороне родимой, необъятной, не сыщется богатырей-патриотов, пускай и без высшего ратного образования и опыта работы в данной сфере.

– Я тебе говорю, князь, не сыщется, – со знанием дела произнёс шут и потрянул головой: бубенчики на кепке, в пику общему настроению, весело дзинькнули. – Коренной зуб мудрости даю, не прокатит!

– А если я им горы пообещаю? – хитро прищурился Свистослав Златоглавый.

– Золотые? – ехидно скривился шут.

– Простые, – раскрыл свою задумку князь. – Земли у нас много, и если я богатырям пообещаю выделить хорошие земельные участки, после сокрушительной победы над врагом, думаю, охотники обязательно сыщутся.

– Не факт, но на безрыбье и рак... Можно рискнуть, – поддержал начинание князя Сарканя. – Попытка не пытка!

– И то верно! – согласно кивнул и палач. – Лучше уж землю своим раздать, за дело, чем чужакам отдавать, непонятно за что. Авось, что и выгорит.

Обнадёживающий тон прямолинейных советников, заметно обнадёжил и князя, тем более, что прозвучало волшебное рунийское слово «Авось»!

– Зови дьяка, будем указ сочинять! – деловито распорядился Свистослав Златоглавый, к которому вернулась утраченная сила духа и шут, вернувшись в образ, придуриваясь и делая сальто, сиганул за скорописцем.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

События, описанные в этой главе, случились в одной глухой деревеньке, примерно за неделю до тех драматических событий, с которых, собственно, началась небывалая былина (или былинная небывальщина, кому как нравится). Но, поверьте моему красному словцу, такая временная разноска никоим образом не ухудшила течение сюжетной линии в целом, а даже внесла некоторую изюминку.

Короче, за неделю до...

Со стороны могло показаться, что деревенька, раскинувшаяся в широкой лощине у опушки таёжного леса, была не только глухая, но где-то даже и глухонемая. Ну, посудите сами: горит амбар, хорошо так горит, с весёлым треском, а вокруг в полной тишине копошатся мужики с бабами. Ни тебе набата тревожного, ни тебе криков, воплей, причитаний, ни тебе ругани молодецкой, трёхэтажной. Кто с речки бежит с ушатами, стиснув зубы, кто от колодца, с лоханью костыляет, кто землёй пожар забрасывает, и все действуют, молча, словно стоворились не шуметь.

Интересно, да?

Ну, ежели так интересно, давайте подберёмся поближе и разберёмся, в конце концов, что за такая «глухонемая» глухомань пред нами. С близины-то оно по любому понятней будет.

А вблизи всё оказалось не так уж и загадочно, хотя всё же странновато: мужики замысловато матерились, женщины стенали, а детвора, повисшая на плетне, весело цокала языками и обменивалась впечатлениями. Только всё звуковое сопровождение мероприятия осуществлялось шёпотом, словно боялись разбудить кого-то. Но, несмотря на нехватку обычно громких комментариев к чрезвычайному происшествию, дело по тушению пожара понемногу продвигалось к своему скорому логическому завершению. Продвигалось, продвигалось себе дело, и вот когда, казалось ещё немного и огонь будет полностью локализован и потушен, случилось непредвиденное. Откуда ни возьмись, появилась старая бабуся в старомодном ветхом, как и она сама, шушуне. С пустым железным ведром наперевес (откуда она его выкопала, такое ведро, одному Яр-богу известно, ведь в то время вся утварь сплошь из дерева монтировалась), она поспешила на помощь соплеменникам, то бишь к колодцу за водой. Где-то на пути к своей первой цели бабушка нечаянно наступила на перебегавшую дорогу чёрную кошку (и откуда эта кошка взялась тоже, хоть убейте её, не скажу, потому что не знаю). Естественно, старуха потеряла и так шаткое равновесие, и полетела кубарем в заросли лопухов, попутно отпустив ведро на волюшку-вольную. В отличие от старушки, ведро, обладавшее меньшей массой и получившее больший заряд кинетической энергии с вектором направленным в раскрытое окно избы деревенского старосты, в настоящее время руководившего спасательной операцией у амбара, влетело в гостеприимно раскрытый оконный проём. Мимолётом сбив с дубового стола солонку, сахарницу и бутылёк с соевым соусом (причём всё вдребезги!), ведро, на последнем этапе своего полёта попало в висевшее на стене заморское стекло, мудрёно посеребрённое с одной стороны, которое знающие люди называли «свет-мой-зеркалом» (дорогущая-предорогущая вещица и, кстати, единственное на всё село) разнесло оный «свет-мой» на мелкие кусочки, грохнулось уже на посоленный, посахарённый и политый соусом пол избы, откатилось в сторону и невинно застыло подле печки.

Батюшки! Такой плохой приметы даже старожилы села припомнить не могли!

– Это, полный копец! – угрюмо промолвил перепачканный копотью староста по завершении процесса поочерёдного прохождения всех дурных примет и безнадёжно махнул рукой. Он-то точно знал, что это не беда, а только её предвестник, а беда, она скоро нагря...

– Бегу, бегу! Бегу-у-у! – раздался зычный голос с окраины деревни и, спустя пару-тройку томительных мгновений, на месте происшествия оказался заспанный, мягко говоря, паренёк.

Ну, как паренёк, парняга, а если быть детально точным – парнище. Ростом – аршина три не ниже (или семь ахлицких футов, кому как нравится), весом – пудов эдак восемь-девять, в общем здоровый как буйвол, широкоплечий, с сильно развитыми бицепсами и набитыми на кулаках кентосами. Короче говоря, по своим параметрам – среднестатистический рунийский богатырь, правда, без высшего и даже средне-специального образования.

– Щас, мы его быстро затопчем-затушим! – стремительно разобравшись в ситуации, заключил парень богатырской наружности, недолго думая, вырвал с корнем ближайшую яблоню средних размеров и кинулся ей забивать тлеющие брёвна обугленного амбара.

– Не надо, Переборушка! Сами уж как нить справимся, Борь, – попытался остановить враз поскучевший староста вновь прибывшее подкрепление.

– Не дрейфь, дед Торофей! – с молодецкой удалью лупася деревом по дымящемуся амбару, задорно крикнул добрый молодец. – Мы его ща мигом победим!

Здесь я, с вашего позволения, ненамного прерву остросюжетное повествование, и углублюсь в преданья старины недавней, сделав в ваших же интересах кое-какие уточнения. Вы, мой, безусловно, догадливый читатель, уже смекнули, что дело здесь нечисто и где-то даже пахнет керосином. Я сейчас не о поджоге, и был ли вообще поджог, следствию ещё надо будет доказать. Я о другом.

Короче, как вы, конечно же, догадались, жители деревни, в шепотливом безмолвии тушившие пожар, попросту не хотели каким-нибудь ненароком разбудить этого самого молодца Перебора либо, как с неподдельной светлой грустью в порыве очередного отчаяния называли его соплеменники – Переборушку. Почему с грустью? Может оттого, что сиротой он был почти круглым. Мать его Маруся (в недобрый час командированного богатыря по доброте душевной на постой пустившая), женщина видная, дородная (про которых и говорят в народе «быка с копыт ударом свалит, избу соперницы подпалит») опосля рождения восьмикилограммового сына, естественно, долго не задержалась на этом свете, оставив феноменальное чадо на попечение ни в чём не повинной деревни, в которой, вот непруха, все жители, так или иначе, по старому рунийскому обычаю, были родственниками друг дружке, ну как минимум кумовьями.

Кстати, бабка-повитуха, принимавшая судьбоносные для всей деревни роды, с трудом взвалив младенца на весы и с удивлением глядя на показания прибора, веско промолвила что это «явный перебор». Оттуда-то и закрепилось за парнем роковое прозвище, которое по недосмотру и в метриках записали.

Так о чём это я? А, о грусти! Значит, а может и потому с грустью так называли, что, несмотря на свою доброту безграничную, росший не по дням, а, как и остальные, по годам, Переборушка и силушкой такой же обладал практически безграничной, поистине богатырской силушкой (обратите внимание на очередной парадокс рунийской былинной присказки – рос вроде бы по годам, а развит оказался не по годам). И вся беда была от неё, от силушки, не мог добрый молодец целиком и полностью контролировать свою мощь в рвении помочь другим людям, сородичам своим сердобольным, не уточняя, нужна она вообще, помощь его, другим или без неё дешевле выйдет. Вот почему и сейчас, боясь беду накликасть, не беспокоили дюже любившего подремать после плотного обеда Переборушку, деревенские, своими силами и далеко не безрезультатно, я вам доложу, пытавшиеся справиться с огнём.

Ай, да что уж теперь, давайте вернёмся к месту происшествия, где события приняли совсем другой поворот.

А здесь, благодаря потугам деревенского «сына полка» пожар разгорелся с новой, небывалой, доселе, силой. Уж больно рьяно размахался яблонькой удалец, так, что озорные искры от кострища взметнулись в синюю высь, а головёшки прыснули по сторонам, куда попало. И попали-то головёшки не куда-нибудь – точнёхонько на соседские амбары, а искры не догорев на вольном ветру, словно выдохшиеся светлячки опустились на заправленные сеном сеновалы.

Эво как оно здорово и дружно пыхнуло. Так пыхнуло, что даже Переборушка остановился посмотреть, что там у него за спиной так подозрительно затрещало и зачало в полнеба.

Пожар мигом охватил все амбары, сараи и подобрался к хлевам, где томилась от полуденного безделья недоенная скотина. Поднявшийся откуда ни возьмись ветер-бродяга, как назло погнал огонь на сгрудившиеся в живописной низине избы (ну кто так кучно строит!). Бабы, теперь уже заголосив во весь объём своих полных грудей, кинулись спасать детей и документы, мужики скотину и рыбацкие снасти, а Переборушка, смекнув, что во всём виноват... этот противный северо-западный порывистый муссон, кинулся спасать, кого бы вы думали... правильно, всю, без исключения, деревню. В отличие от своих сородичей он мыслил более глобальными масштабами. Эх, если бы его сноровку и смекалку направить в нужное русло...

Тьфу, ты! И чего это я про русло вспомнил. Нутром чую, не в добрый час вспомнил.

Переборушка, отбросив разгоревшееся дерево в сторону ещё не подпалённого соседнего сеновала, уже мчался, сломя голову, к старому руслу реки, которое было перекрыто в незапамятные времена доброй дубовой плотиной плотниками-гастарбайтерами из Бобруйска, образовав между покрытыми хвоей холмами красивое лесное озеро, из которого лилась себе водичка на мельничные круги, приводя в движение общественно-общинные жернова.

Его новаторская идея состояла в том чтобы, немного приподняв заслонку дамбы пустить воду в деревню, дабы совсем чуть-чуть заполнить деревенские пожарные ямы и смочить выгоревший на солнце сухостой, для очередной на сегодняшний день локализации пожара. Но, то ли дубовый засов шлюза «заржавел», то ли день сегодня неудачный был для их деревеньки, никак не поддавался дубовый шлюз богатырю. И ведь долго не поддавался, до тех пор, пока взволнованный силач случайно не свернул ему «шею». А как хлынула вода с громким журчанием в низину, то и плотина, «давшая слабину» в одном месте, не стала останавливаться «на достигнутом» и со страшным скрежетом развалилась уже целиком и полностью. Добрый молодец Перебор, не успев смотаться с дамбы, свалился в бурлящий поток и следом за тяжёлыми стволами развороченной плотины, попутно разнесшими и мельницу, устремился на волнах освобождённого водоёма в сторону полыхавшей деревни.

Что и говорить, Перебор воплотил свою гениальную идею в жизнь, спасая деревню от пожара, но, как это обычно бывало с ним, с небольшим, опять же мягко говоря, перебором. В несколько секунд с пожаром было покончено.

По самые крыши затопило избы.

Благо не первый год жили люди вблизи с юным богатырём. Натасканный учебными тревогами народ с домашней живностью, документами и «тревожными чемоданами» своевременно занял позиции на окрестных возвышенностях, обрамлявших их некогда процветающее селение и возделанные поля, и теперь с грустью взирал на разлившееся рукотворное озеро.

Когда первый шок прошёл, бабы заголосили по утраченной утвари и барахлу, а мужики во главе со старостой, проведя переключку, и установив, что утопших и даже уплывших среди мирного населения нет, вооружась штакетинами и дубинами, пошли искать Перебора для проведения весьма содержательной беседы со горе-спасателем. По всему было видно, что терпение общины в этот раз лопнуло окончательно, а может, попросту, сгорело или утонуло.

Наломав дров об горб выплывшего навстречу делегации Перебора (по голове не били, боялись усугубить, скажем так, его рвение к добрым делам), мужики остановились на перекур.

– Дед Торофей, отец Горлампий, Ремул Аврагович, – с олимпийским спокойствием «выслушав» все упрёки по хребту, плечам и ягодицам, обратился Перебор к «отцам» деревни: старосте, батюшке и знахарю (последний, кстати, по совместительству «ташил» на себе непосильную ношу обязанностей деревенского казначея). – Я ей-богу ненароком! Это ветхая запруда давно уже на соплях держалась. Я только дотронулся до вентиля, как всю плотину повело. Точь-в-точь как на хуторе у сафьяно-шушунских ситуация: старение стройматериала и отсутствие надлежащего контроля.

– Вот я тебе! – сердито намахнулся староста на юного здоровяка. – Ты того, ты ситуацию с диверсией не путай!

Остальная толпа мрачных мужиков, окружившая главного героя (не буду плести интриги и так понятно, что сюжетная линия повести отныне будет виться в основном вокруг этого незадачливого юноши) соглашаясь со старостой, вновь загудела, что тебе одновременно ужаленный в одно место осиный рой.

– На кол его за диверсию! Четвертовать! На дыбу! За ноги и к тополям! – «жужал» «осиный рой» вокруг Перебора. – Пожизненное с конфискацией! Колумбийский галстук ему!

Отдохнувшие мужики распаялись не на шутку. Того и гляди устроят «суд от имени товарища Линча» над соплеменником.

– Тише, тише люди славные! – поднял пухлую холёную руку отец Горлампий, он не мог позволить пролиться крови в его приходе, итак на сегодня уже достаточно всего пролилось, вылилось и залилось. Дождавшись, когда гул утихнет, батюшка поинтересовался у окружающих: – Кто мне скажет, что отличает нас руницей от других?

Мужики призадумались.

– Мы сильные! – крикнул кто-то из толпы.

– Это да, – кивнул батюшка. – Но не в этом наше коренное отличие.

– Мы смелые! – опять выкрикнул тот же уверенный голос.

– Хм, согласен! – и в этот раз не стал отрицать очевидного, поп. – Но и это не основная «изюминка».

– Мы красивые! – выдали очередную версию из толпы.

– Тьфу ты! – сплюнул священнослужитель, разглядев в толпе мило улыбавшегося и строившего всем глазки деревенского цирюльника Гламурию. Давно поп хотел его предать анафеме, да понимал, что сами со старостой виноваты. Их решением Гламурия в город по квоте уезжал учиться на цирюльника, а что вернулось, одному богу известно (да и известно ли?)

– Эдак мы до греха «довикториним», – в сердцах бросил пастырь. – Неужто не вспомнили? Я же на каждой воскресной службе вам как говорящий попугай талдычу об этом.

– Мы, рунийский народ: добрый, терпеливый и толерантный. Мы должны держать хлеб за пазухой, подставлять другую щёку, прощать близкого, поднимать низкого, не опускать склизкого, не рыть яму другому, если попросят прикурить, отдавать табак вместе с тулупом, – заученно произнёс знахарь Ремул Аврагович, единственный из прихожан, кто добросовестно конспектировал «лекции» отца Горлампия. – Вы, Ваше преподобие, отец Горлампий, это имели в виду?

– Да, да, дорогой Ремул Аврагович, – украдкой смахнув слезу умиления, наивно улыбнулся батюшка. – Я хотел сказать, что не пристало нам, руничам, сироту на наших глазах взращённого, по беспределу пускать. Гуманность – вот же, растудыть её, основная черта наша!

– Этого «сиротинушку» оглоблей с ног не собьёшь, – проворчал в бороду староста, но накалять обстановку не стал, уже громко вслух сказал не то что думал. – Эх-х, ладно, пусть живёт, холера.

– Да что же мы звери, что ли! Племяш, как-никак! Жаль парня! Молод, горяч! – совсем по-другому заговорили мужики, «вспомнив», какие они все из себя «гуманные» и «сердобольные» на самом-то деле. – Главное, живы все! Пусть и он живёт! Пусть! Нехай!

У отца Евлампия, оглядывавшего свой приход, вновь сентиментально затуманился взор.

– Чего уж, пусть живёт, – вывел батюшку из прострации староста Торофей. – Но надо решать по Перебору кардинально. Какие будут предложения?

На стихийном сельском сходе воцарилась звенящая тишина, изредка прерываемая вздохами виновника «торжества» и накатывавшимися на берег волнами сверхнового озера. Никто не знал, что можно предложить в такой ситуации, когда и «на кол» нельзя, так как дюже гуманные, и без внимания такой вопиющий проступок оставлять не можно.

Устав ждать предложения, староста вновь взял слово.

– Предлагаю, значит, изгнать Переборьку из деревни! – сурово промолвил дед Торофей, потупив глаза: видно нелегко было такое предлагать даже наиболее пострадавшему в катастрофе (в том плане, что староста был самым зажиточным человеком в общине). – Путём открытого голосования. Кто за?

Староста сам первым поднял руку, что означало, что он уже «За». Остальные обернулись к отцу Горлампию: что скажет духовный лидер и наставник насчёт гуманности в этом случае.

Достав из-под ризы батистовый платочек, батюшка промокнул лоб, покрывшийся холодным потом, и задумался. С одной стороны, негуманно это, не по-людски, с другой стороны не хочется ссориться со светской (хм, почти с советской) властью, то бишь с Торофеем. Хотя, в принципе, паренёк то уже взрослый. Вон, одной левой проблемы всей деревне создал. Тем более пачпорт ему на днях справили, теперича совершеннолетний, собака. Да и из «той» деревни, мягко говоря, они и так нынче всей общиной практически «изгнаны», а это значит...

– И я за! – приняв нелёгкое решение, поднял батюшка руку с платочком. – Гуманная кара!

Дружный вздох облегчения вырвался из толпы, казалось даже, что как-то посвободней в ней стало. Остальной «электорат» вслед за старостой и попом единогласно проголосовал «за». Хотя нет, не единогласно.

– Ремул Аврагович, а ты что, неужто против? – обратился дед Торофей к знахарю-казначею, стоявшему с опущенными руками.

– Скажем так, я воздержался, – степенно ответил знахарь Ремул, на всякие пожарные решивший не голосовать. Вдруг Перебор ещё где набедокурит, потом можно будет следователю на допросе сказать, что он, дескать, был против его «недальновидного изгнания». А что вы хотите, на то он и знахарь, чтобы все возможные варианты предвидеть и просчитывать.

– Твоё святое право, избиратель! – то ли похвалил, то ли попенял знахарю, отец Горлампий, по тону нельзя было разобрать.

Остальные приняли «великодушный жест» Ремула Авраговича как проявление максимальной гуманности рунийского человека и зауважали его ещё гораздо больше.

– Итак! – подвёл итоги голосования староста. – Полсотни за, один воздержался. В общем, практически единогласно, – окончив подсчёт голосов, Торофей повернулся к Перебору. – Ну что же, сынок, прими как должное и не обессудь. Своим последним «героическим поступком» ты заслужил это.

Молчавший во время диспута Перебор, осознав, на что обрекли его сородичи, изменился в лице.

– Как?! Как так?! – с застывшим знаком вопроса в глазах оглядел юноша односельчан. – Вот так просто?! Одним взмахом ваших натруженных рук?! – мужики стыдливо опускали глаза, не в силах смотреть на парня, – Вы действительно хотите меня отпустить восвояси?

Даже староста Торофей, насколько суровый мужик был, а и тот стал сомневаться в своём предложении, но тут всё встало на свои места.

– Ну что я могу сказать, дорогие мои, – продолжил речь искренне обрадованный Перебор. – Спасибо вам, конечно, за доверие! – мужики, не понимая, куда он клонит, вновь уставились на парня, – Я вас не подведу! Я тогда отсюда напрямик к князю Свистославу пойду, объясню ему наше плачевно-потопное положение и попрошу у него новых угодий для всей нашей деревни! Я вам добром за добро заплачу! Да я...

– Погодь, погодь, Переборушка! – перебил его староста, у которого смутные сомнения в оплошности переросли в дюже устойчивую уверенность. – Давай-ка хоть куда иди, только не к князю. У светлейшего князя Свистослава и без нас забот и хлопот полон рот. Да и у нас, мало того, что деревня утопла, ещё и оброк, и десятина за прошлый год в княжеский бюджет не выплачены. Вспомнит князь, всем нам не сносить головы.

– Угу! Куда хошь, только не князю! – попросил Перебора и отец Горлампей, у него со своим столичным одухотворённым начальством тоже не всё ладно было в финансовых взаимоотношениях. – Иди лучше в какую-нибудь другую сторону! Например, в противоположную, относительно стольного града.

Мужики на просьбу попа одобрительно загудели, им тоже не хотелось видеть у себя в гостях княжеских налоговых опричников.

– Ну, ладно, будь по-вашему! – тряхнул русыми кудрями Перебор. – Пойду по миру, себя покажу, на других погляжу. А к князю ни ногой. Ни-ни!

«Алиллуйя!» – мысленно обрадовался батюшка и перекрестился.

– Вот и здорово! – поверив «племяшу» на слово, хлопнул в ладоши староста. – А мы, так и быть, тебе из общака, то бишь общедеревенской казны, небольшую сумму на дальнюю дорогу выделим. Ты как считаешь, Аврагыч, потянет наш бюджет?

Деревенский казначей вместо ответа лишь хмуро показал глазами на скрывающуюся под водой деревню, мол, все их денежки тью-тью, уплыли.

– Ах, да, запомятовал я! – хлопнул себя по лбу староста, вспомнив, где их все вещи покоятся. – Ну, тады ой! – развёл руками Торофей, – сам виноват, Переборушка.

– Хотя, обожди-ка! – засунул руку за пазуху знахарь Ремул и, порывшись в пачке ассигнаций, нащупал между купюрами медную пятикопеечную монету. – Вот! Что есть! – протянул казначей пятак Перебору, – Бери! На ночлег и тарелку шей в придорожной забегаловке хватит.

– Да нет, дядя Ремул, не надо, – замялся Перебор. – Этого ещё не хватало.

– Бери, бери, это же от души, – сунул Ремул денежку в руку Перебору, – Чай не обеднею.

Говоря, что этот поступок от души Ремул Аврагович немного лукавил, скорее из чувства благодарности. Ведь на днях староста Торофей с духовным лидером, отцом Горлампием, собирались провести ревизию общедеревенского финансового фонда, или общака, а Ремул Аврагович всегда не любил это тревожное мероприятие. Так что если бы не Перебор, со своим последним «перебором», всё могло кончиться довольно плачевно лично для знахаря. А в общей суматохе можно будет всю недостачу списать на техногенную «катаклизму». Тем паче, что своим «благородным поступком» Ремул Аврагович для остальных мужиков и вовсе стал примером для подражания, явив собой живой образец гуманности рунийского народа и даже, не побоюсь этого слова – зеркало рунийской эволюции.

– Эх, да что мы, бастурмяне, какие! – сорвал с головы картуз староста Торофей и, достав из-за околыша бумажную «трёшку», кинул заначку в головной убор. – Чай не чужие! Давайте други, скинемся нашему Борьке на путь-дорожку, – призвал остальных поддержать свой и казначейский почин, – кто сколько может!

Мужики, оглядываясь, не видят ли их бабы, полезли за своими заначками. Кто из лаптя, кто из потайного кармашка, кто из шапки – доставали мужики денежку и бросали в, пошедший по кругу, головной убор Торофея. Рубли, трёшки, а иногда и пятёрки, ложились с приятным хрустом на дно картуза. Запустив руку под ризу, отец Горлампей выудил на божий свет червонец, и грустно взглянув на него (надеялся ведь рубль вытащить, а тут такое невезение) отправил в общак, не забыв перекрестить напоследок.

– Держи, сынок! – сунул дед Торофей в руки Перебору добрую пачку ассигнаций и натянул картуз на прежнее место. – И не поминай лихом!

– Спасибо! Спасибо, вам братцы, дядьки и деды! – прослезился, заикаясь от переизбытка чувства благодарности Перебор. – Вы, вы, вы не пожалеете! Я, я, я вас всех прослаблю! Долг, долг платежом! Я, я...

«То, что ты нас „прославишь“, сомневаться не приходится, – думал глядя на распинающегося в благодарностях парня, староста, – а вот то что мы не пожалеем, в этом у меня бо-о-ольшие сомнения. Ну, да что теперь».

– Ну, да, чаво уж там! – махнув рукой, воскликнул Торофей. – Давай прощеваться! У нас теперича забот выше крыш, – сказал он, хотя вода на самом деле стояла вровень с крышами, а никак не выше, – Иди уже, Переборушка! Не трепи душу и нервы!

– Иди с богом! – перекрестил счастливого изгнанника отец Горлампий и отвернулся, стараясь скрыть вновь навернувшуюся скупую поповскую слезу – что-то разсентиментальничался сегодня батюшка.

– А можно я на погост зайду, с матушкой попрощаться? – попросил Перебор, на что получил молчаливое согласие сородичей.

Поклонившись молчавшим мужикам в ноги, юный Перебор развернулся и в полном одиночестве побрел на кладбище, которое находилось за дальним косогором и в акваторию нового озера не вошло.

Никто не пошёл за ним следом, и мы не пойдём. Пусть один там побудет, поразмышляет, без наших наблюдений и комментариев. Должно же быть ещё хоть что-то святое в нашей былине, кроме земли рунической.

Давайте лучше вернёмся пока к внеплановой сходке. Что тут у них.

– Всё, мужики, пошли работать! – проводив взглядом скрывшегося за пригорком юношу, скомандовал староста.

Собрав сломанные об Перебора палки и штакетины, необходимые для костра, мужики потянулись к семьям: болтавшейся вдоль берега детворе, собиравшей прибываемый волнами плавучий скарб; жинкам, доившим коров на пригорке и готовившим на кострах обед. Им надо было как-то обустроиваться на первое время.

На месте недавних разборок остался только Ремул Аврагович – знахарь и казначей в одном флаконе, переводивший взгляд то на удалявшихся мужиков, то, с лёгкой завистью, в сторону погоста, куда ушёл изгнанный из деревни Перебор.

«Интересно всё-таки у нас, у руничей, получается, – думал в этот миг думу умудрённый жизнью Ремул. – Сначала на колу четверговать хотели Переборушку, а в конце концов ещё и кучу денег на дорогу дали, и всё только за то, что деревню утопил. Эх, умом нас руничей не понять, аршином общим нашу логику не измерить. Хороший всё-таки народ у нас, странный, добрый и... ну и слава богу!».

Поглядывая на покрытое искристой рябью новорожденное озеро, премудрый знахарь поковылял за остальными.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Не ведая ни сном, ни духом, какие страсти разгораются вокруг его великой родины, Перебор, всё это время браво маршировал прочь от малой родины, туда куда глядели его чистые и честные глаза. А глаза нашего героя глядели, ни много, ни мало в сторону града первопрестольного, столицы княжества великого, стольного Нерезиновграда.

Кто-то, баламутя хрустальный ручеёк повествования, недоуменно воскликнет – что за дурацкое название у главного мегаполиса государства? Я так скажу. А я почём знаю. Назвали так далёкие предки горожан нынешних и ладно. А, может и по другому звали город, к примеру Березиновка, в честь главного дерева Рунии, а с веками какие-то буквы в название подзатёрлись, да другими заменились. Тоже версия. Но, врать не буду, верного смысла не знаю, это уже к топонимистам, они так «по-научному» сокрут и глазом не моргнут, что не поверить им на слово будет весьма трудно. И, знаете что? Давайте не отвлекаться от сути, и не отставать от нашего героя. Нерезиновград и точка.

В общем, двинул парень, как и вся сельская молодежь, в город.

Да, кто-то сейчас вновь задастся наивным вопросом: а чего это он в город попёрся, ведь обещал своим соседям-сородичам не ходить туда, чтобы чего не вышло? Я и тут отмалчиваться не буду, как на духу отвечу. Соврал он. Да! Взял и нагло соврал, чтобы отпустили его с миром. Ибо ежели Перебору в голову какая умная, на его взгляд, идея приходила, то хоть кол ему на той самой голове теши, не отговорить его было. До того он идейный человек был, что несмотря ни на что, почти всегда доводил задуманное до логического, а чаще нелогичного, но конца. Вот и сейчас, несмотря на заверения деревенским, не напоминать князю про их житьё-бытьё, решил, однако, Перебор пойти к правителю, рассказать всё как есть без утайки, и попросить гуманитарной помощи, в виде хорошего земельного участка для их такой дружной и отзывчивой общины.

Всё, господа, не морочте мне и себе головы своими «квадратными» вопросами. Просто наслаждайтесь бытиной, а в настоящий момент тем, как наш герой сам себя пытается убедить в правильности принято решения.

«А что князь, не человек что ли, не поймёт беду нашу, не проникнется нуждами населения? – робея пред своею же задумкой, размышлял Перебор, маршируя по колдобинам доро... э-э, тракта, подходя всё ближе к граду стольному и всё медленнее переставляя свои могучие ноги. – Тем более, опять скоро выборы монарха и пускай он, как обычно, единственный кандидат на трон, всё равно процент покажет вотум доверия, или как его там. Что ему стоит помочь какой-то глухой деревеньке – пара пустяков, а может даже и приятные хлопоты. Хотя, ведь, всё может иначе обернуться. Вспомнит, что там от нас недоплачено. Тогда будет вообще невесело. Нет! Уговорю я его. Как пить дать! Блин, про воду даже вспоминать муторно. Надо, Боря! Надо!».

Долго ли коротко ли, но с такими вот мыслями, кружащимися в голове вокруг первоначальной идеи, подобно планетам вокруг солнца, Перебор, наконец, достиг пункта своего назначения и, поставив мысленную галочку в первом пункте идеи (не халям-балям, гляньте-ка, всё по пунктам, по полочкам), подошёл к крепостным воротам первопрестольной Нерезиновсквы, всё ещё не решив: радоваться этому факту, печалиться или бежать отсель сломя голову.

– Гоп-стоп! Когось нэлёгкая нэсёт? – ошетинился подвесной мост надо рвом ажно двумя копиями, торчавшими из рук такого же количества стражников. Провидение решило всё за Переборушку – он не мог себе позволить уйти после такой недружелюбной встречи, а потому и решил, из принципа добиться приёма у князя.

Перебор остановился перед мостом и оглядел, прямо скажем, не очень-то представительных представителей столичного пропускного пункта. Один из стражей, был юн, хиловат и мелковат, второй сух, высоковат и староват, и, судя по длинной седой бороде, без вариантов, этот второй и был старшим в этом охранном тандеме. Он-то и остановил Перебора грозным окликом на ближних подступах к столице.

– Кто такой? Откедова? – ещё раз поинтересовался седобородый, когда Перебор остановился на середине моста.

– Кличут меня Перебор, уроженец деревни Слякино, Грязанского уезда, – представился добрый молодец.

– Зачим в билокаменную пожаловил? – уточнил цель прибытия стражник.

– Какую «белокаменную»? – не понял о чём речь Перебор, внимательно оглядев город, целиком и полностью выполненный в лучших традициях рунийского деревянного зодчества.

– Здись я вопрошаю? – сказал, как отрезал стражник, и сам не знавший, почему сколоченную сплошь из древесины столицу страны огульно обозвал «белокаменной». – Я ище разэк спрашиваю, чегось тэби в городи надобни?

– По важному делу пришёл! – ответил Перебор.

– Много тутось таких шастае, «пи важному дилу», – направил бородач копьё в богатырскую грудь пришельца, его, юный, коротышка-напарник молча повторил движение «старшого». – А с утрэца, либо колокола на колокольне недосчитаимси, либо зюйд-норд-флюгера на пижарной каланчи. Ступай отсель. Нерезиновград не з кавучуковой дрэвэсины зрублена.

– Дедушка, ты чего ругаешься? – обиделся Перебор на беспочвенные подозрения стражника. – Какой такой ещё «флюхер»? – он на самом деле не знал значения этого «бранного» для него слова, – Я к князю иду по важному делу, – признался Перебор и для пущей солидности добавил, – от нашей деревни командирован к нему в качестве ответственно-уполномоченного ходока.

Пусть и слукавил слегка удалой молодец, зато это на удвиление здорово сработало.

– Ах, ко свитлому князюшке! – мигом сменил подозрительный гнев на гостеприимную милость стражник, и в точности выполнил полученную с утра команду «пропускать к князю без промедления, сучка и задоринки». – От оно як! Чегось молчал то, косатик?! Проходь! Ать-два!

По последней команде стражник с напарником синхронно приставили копьё к ноге и, расступившись, вытянулись «во фронт» перед Перебором. Слегка подивившись произошедшей с охраной ворот метаморфозой, польщённый Перебор изящно козырнул им двумя пальцами от бровей и почти классическим строевым шагом вошёл под сени распахнутых городских ворот.

– Вот, внучек, вишь какой большуший бодыбилдырь к нам пижаловив! – провожая взглядом Перебора, вздохнул заслуженный ветеран охранной деятельности. – Меньше бы ты цигарьки бисовы смолив, таким же богатырём бы вымахав.

Седобородый с укором посмотрел на внука, который, виртуозно свернув козью ножку, задымил, задумчиво глядя вслед прошедшему в столицу здоровяку.

Оказавшись по ту сторону ворот, Перебор, как говорится «с порога», окунулся в прелести столичной суетной жизни.

Первым делом, вляпавшись лаптем в свежий конский навоз, и не успев нецензурно возмутиться, он едва успел отпрыгнуть в сторону, когда с криком – «Куды прёшь, слепосара!» – мимо промчалась повозка, запряжённая тройкой лошадей, забрызгав его уже по колено. Но только послал он вслед лихачу дулю проклятья, как за спиной вновь раздался грохот колес и вопль «Прочь, дубина стоеросовая!» возвестил об очередной опасности. Метнувшись в обратную сторону, Перебор выскочил наперерез гружённой дынями арбе восточно-азиат-

ского купца, запряжённой меланхоличным верблюдом, и впервые увидев двугорбую «ино-марку» растерялся и, чисто рефлекторно, залепил верблюду боковой в челюсть. Дремавшее на ходу животное, так и не сообразив в чём его вина, теряя остатки сознания, как подкошенное рухнуло на деревянную мостовую. Это происшествие моментально создало пробку на третьем гужевом кольце столицы (а как мы с вами догадались, это было именно оно и ничто иное), а Перебор, грозно поглядев на оцепеневшего купца, с чувством собственного достоинства продолжил путь к княжескому терему. Пусть ещё кто-нибудь только попробует, обозваться!

Когда к месту аварии прибыли дорожные опричники, никто, включая главного свидетеля и участника ДТП – водителя арбы – не смогли описать приметы нарушителя. «Кто-то большая-пребольшая и страшное, каки шайтан-гора, вах-колобах» – единственное, что смогли выпытать (причём в буквальном смысле) опричники у незадачливого бахчеторговца.

А Перебор, тем временем уже добрался до большой площади без названия, но с выкрашенной в красный цвет мостовой.

– Чудно! – улыбнулся он гламурной диковине. – Алая площадь! Диво, да и только!

Сидевшие неподалёку, на паперти покосившейся церквушки нищие калеки, сообразив, что в их ареале обитания оказался провинциальный турист, и, судя по одежде, махровая деревенщина, засуетились.

– Подайте ради бога! – дружно как по команде прогундосили попрошайки, и далее, уже вразной жалостливо заголосили. – Подайте, во имя всех святых, на хлебушек! Детишкам на молочко! На зубные протезы! Бога ради, на операцию! В фонд взаимопомощи! На оплату «коммуслуг»! Сами мы не местные! Подайте! Подайте! Подайте!

И до того у них драматично выходило попрошайничество, проникновенно так, я бы даже сказал профессионально, что не вынесло их стенаний-причитаний доброе сердце Перебора. Подошёл он к слепцу, поглядел в его чёрные как ночь круглые очки и, выудив из-за пазухи поповскую ассигнацию, сунул калекке купюру в дрожащие руки. Вся паперть замерла от удивления.

– Червонец?! – прошептал слепец и присвистнул. – Это же целое состо...

– Стоп! – перебил его добрый, хотя в данной ситуации будет правильно сказать щедрый молодец, Перебор. – Как догадался? Ты же слепой.

Перебор аккуратно снял очки с переносицы нищего и увидел вполне осмысленный, правда, довольно испуганный, взгляд голубых, словно васильковое поле, глазёнок попрошайки.

– Я, я, того, – затравленно озираясь по сторонам и судорожно оглядываясь на собратьев по промыслу в поисках подмоги (представляете, как струхнул, бедняга!), заелозил нищий под тяжёлым взглядом нависшего над ним здоровяка.

Остальные попрошайки, поняв, что сейчас, возможно будут по-настоящему калечить «слепца» (отсюда уже можно в кавычках, ведь чудо свершилось), не предпринимали никаких попыток вмешаться в намечавшуюся экзекуцию товарища, как вдруг.

– Я, я, знать того, прозрел внезапно, чудо свершилось! Спасибо тебе, божий человек! Чудотворушка! – завопил «слепец», вместо пресловутой «соломинки» обхватив ноги Перебора (в первую очередь для того, чтобы тот не пнул ими его ненароком).

– Ты это серьёзно? – пришла очередь удивляться бесхитроственному Перебору.

– А то! – воздел руки к небу всё ещё испуганный попрошайка. – Твоя доброта и щедрость, сняла с моих глаз пелену тьмы! Долгие десять лет и три месяца я не видел света белого, и тут на тебе, взял и прозрел! Спасибо тебе, мил человек!

Переполненный чувств, бывший слепец, многократно облобызал руку своего «спасителя» (опять же во имя того, чтобы эта рука не соприкоснулась с его губами и зубами по другому, менее радостному, поводу) и, подмигнув своим товарищам-калекам, поскорее умчался прочь, размахивая «чудодейственной» десяткой.

Поражённые происшедшим на их глазах «чудом», калеки, кто на костылях, кто на тележках, в предвкушении «чудес», потянулись к «чудотворушке».

– Подай, добрый молодец, ради бога! – вновь жалостно заголосила толпа калек, хворых и юродивых. – Дай! Подай! Дай! Подай! Дай! Подай!

Поражённый необычным свойством обычных денег, добродушный Перебор вытащил всю пачку ассигнаций и стал раздавать деньги «сырым и убогим». И на его глазах стали твориться многочисленные чудеса: вот, ранее одноногий старик, схватив «пятерку», вдруг отбросил костыли и, отвязав от пояса «ампутированную» нижнюю конечность, которую он, «в надежде на чудо, носил все эти годы с собой», пустился в пляс; вот одорукий попрошайка, получивший «трёшку» «на лечение», вынул из-за пазухи культю и, узрев, что на ней вмиг «отросла» кисть со всеми пятью пальцами и даже грязными нестриженными ногтями, помчался вслед за «одногим» и «слепцом» отмечать «чудо». Даже от рваного рубля «паралитик с детства», замызганный мужичёк, вдруг вскочил со своей тележки и, пожелав доброго здоровья Перебору, заковылял в сторону ближайшего кабака. Короче говоря, вскоре вся паперть была освобождена потугами Перебора от своих постоянных «клиентов». Не знаю, надолго ли, ибо такое «свято место» пустым не бывает.

Когда деньги закончились, перед новоявленным «чудотворцем» остался стоять лишь один нищий, неопределённого возраста, с виду вполне нормальный (в смысле зрячий и с полным комплектом конечностей), только уж больно тощий и слегка косящий. В отличие от остальных «лапотно-рубаховых» попрошаек, этот был одет в засаленный халат восточно-азиатского фасона и обут в остроконечные растоптанные чувяки.

– Привет! – поздоровался нищий с Перебором.

– Здравствуй! – вежливо ответил Перебор.

– Кончились? – догадался нищий.

– Угу! – пожал плечами тоже обнищавший одним махом богатырь, однако, порывшись на всякий случай в карманах, нашёл пожалованную ему знахарем Ремулом Авраговичем, монетку, и протянул её собеседнику. – Вот, всё что осталось.

– Спасибо, не надо! – отвёл руку дающего попрошайка. – А ты откуда такой?

– Из деревни.

– Кто бы сомневался. А конкретней?

– Из Слякино... Грязанский уезд.

– О-о, это о многом говорит, – невольно улыбнулся нищий. – Значит из самой за... глубинки? В первый раз в городе?

– Угу.

– Понятно. А зачем пришёл, так, поглазеть, али по делу?

– К князю иду. Насчёт земли поговорить.

– А-а, слышал, слышал, – кивнул нищий, и Перебор с удивлением отметил, что быстро до столицы слухи о его «подвигах» докатились. Тем лучше, значит и князь уже, возможно, в курсе.

– Пойдем, провожу к княжескому терему, – дёрнул его за рукав тщедушный собеседник, – а то заплутаешь среди хором боярских, подумают что тать, ещё собак натравят.

Перебор от помощи гида не отказался, но про себя усмехнулся, мол, с таким провожатым их обоих скорее собаками потравят.

– Не натравят, – словно прочитав его мысли, спокойно ответил провожатый. – Меня здесь все знают. Я же блаженный. Когда настроение есть, я им порчи снимаю, судьбу счастливую предсказываю...

– Ишь ты, ты и мысли читаешь? – вскинул бровь Переборушка.

– Твои, можно сказать, да, – почти и не хвастаясь, отозвался нищий. – Ты чересчур простой и добрый. Этого у тебя даже слишком много, понимаешь, перебор.

– Ух, ты! И имя моё знаешь?! – остановился Перебор в изумлении.

– В смысле? – настала очередь нищего вздёрнуть бровями.

– Ну, меня так и звать Перебор! – пояснил наш герой. – Для друзей, Переборя. Можно просто – Боря.

– А-а, ну да, ну да, – осмыслил слова Перебора нищий и ухмыльнулся. – Я думаю, сработаемся.

После кратковременной остановки колоритная парочка продолжила путь к княжескому терему.

– А тебя как звать-величать? – вспомнил, что пора бы и познакомиться с провожатым, Перебор.

– Савко, – представился нищий. – Местный блаженный. На рунийский манер меня так здесь называют. А по пачпорту Саван Басманов. Саван, сын Басмана, внук Басмачи, правнук Баскака, праправнук Батискаф...

– Э-э, стоп! – перебил его Перебор, не желая выслушивать родословную до семнадцатого колена. – Так ты что, мангало-шампурин, что ли?

Перебор вновь остановился, но в этот раз ещё и нахмурился.

– Ну, что значит мангало-шампурин, – развёл руками Саван-Савко. – Не отрицаю, в роду были ордынцы, но это когда было. А по материнской, да и вообще по женской линии, у нас все сплошь женщины с рунийских селений. Ещё от пра-пра-праааадеда, с первого набега повелось. Нынче же наш древний род давно ассимилировался здесь. Мы тут почти обрунились. От ордынских корней у меня только глаза дальневосточные остались, да аль-халат фамильный.

– А-а, ну это другой разговор, – «переварил» Перебор сказанное «ассимилированным» Савко и махнул рукой. – Пошли уж. Встали тут как два тополя.

Пошли они дальше, думая каждый о своём, но периодически ловя себя на мыслях, что неспроста эта их встреча, ох неспроста. Так, в полном молчании они и достигли княжеских палат.

– Всё, пришли, – сказал Савко с ордынскими корнями и подтолкнул внезапно заробевшего Перебора. – Иди, иди, там, таких как ты уже полна коробочка.

Пожав руку провожатому и собрав свои силы воли и духа в кулак, Перебор постучался в ворота фейс-контрольно-пропускного пункта княжеского терема.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Без заминок пройдя фейс-контроль на КПП, Перебор вышел на залитое солнцем плац-подворье, разбитое напротив парадного подъезда в княжеские покои, переступил через дремавшую в лужице свиноматку, и очутился в приглушённо переговаривающейся толпе торова-тых мужиков.

На плацу были представлены все сословия и социальные классы, имевшиеся на тот исторический момент на Рунии: ближе к подъезду чинно прогуливались дородные купцы в начищенных заморских кирасах; жилистые ремесленники в кольчугах кустарного изготовления держались отдельными кучками, каждый со своей артелью; несколько крестьян в жилетах из воловьей кожи с нашитыми на груди стальными бляхами дымили самокрутками возле урны. Помимо основных представителей рунийского древнего социума по двору шныряли и более подозрительные товарищи с цепким голодным взглядом поверх роговых очков, принадлежность которых к какой-либо прослойке определить было трудно, но, скорее всего, из интеллигенции (почему я так подумал? да только врачи и учителя могут незаметно прятать в рукавах скальпели и указки-заточки).

Немного оглядевшись, Перебор направился к «своим». Протиснувшись к крестьянской «фракции» он поздоровался с мужиками и поинтересовался, к чему приурочен «съезд».

– Понятно к чему, – отозвался один из «сельхозработников». – Глашатаи возвестили, что князь будет землю напра-налево раздавать. Вот мы и пришли насчёт угодий и пахотных земель поинтересоваться. Оно лишним никогда не будет.

– Обалдеть не встать! – не поверил своим ушам, Перебор. – Это я удачно зашёл!

– Ну, коли так, иди в очередь запишись, – показал другой земледелец на сидевшего возле входа писаря. – Народу вишь, сколько набежало, придётся в очереди постоять, потолкаться.

– Ничего, постоим за землю рунийскую! – неожиданно для самого себя радостно провозгласил Перебор испоконный богатырский девиз и пошёл записываться в очередь.

Спустя полтора часа начался кастинговый приём у князя, и народ, как полагается, забыв про очередь, дружно ломанулся ко входу в княжескую резиденцию. А что вы хотите? Когда дело касается земли рунийской, вспоминать об очередности у руничей считается дурным тоном.

Это надолго, удручённо подумал Перебор, не участвовавший в давке, глядя как «пролетариат» и не уступающая ему в наглости «интеллигенция» чуть ли не штурмом берут дворец князя. Однако, вскоре по рядам «штурмующих» пошёл недовольный ропот, готовый перерастать в акции протеста и лишь появление на крыльце сурового палача с наточенной секирой в руках остановило народ от безрассудного (а вместе с тем «бессмысленного и беспощадного») поступка.

– Ша-а! Тих-хо! Чего возмущаетесь?! – грозно рявкнул на притихшую толпу палач, сверля суровым взглядом людей через вырезы в краповой маске. – Вам же рунийским по бересте было написано, что земля будет дана лишь тем богатырям, которые откликнутся на призыв князя смотаться на войну с войском плутовского короля Филипса и то, лишь в том случае, ежели супостат будет безоговорочно побежден и откапитулирован.

– Глашатаи, кажись, не совсем так оглашали! – набравшись смелости, крикнул кто-то из толпы.

– С глашатаями я лично разберусь! Коли факт дезинформации будет иметь место, всех их до единого на кол посажу или певцами оформлю в хор фальцетистов, – пообещал палач, и не верить ему оснований не было. – Так вот! А теперь остались только те, кто на войну готов отправиться. Остальным, во избежание проблем со здоровьем, разойтись немедленно.

Разочарованная толпа халявщиков, невнятно лопоча, начала растворяться среди городских улиц и, не прошло и пяти минут, как богатырский призывной участок почти полностью опустел.

Пред палачом остался стоять во всей своей неприметной красе только юный, но уже внушающий уважение, Перебор.

– А ты чего стоишь? – спросил его палач и, отметив богатырское сложение парня, поинтересовался. – Борец, что ли?

– Ага! И борец, и рукопашник, – подтвердил догадку палача Перебор и сразу ответил на первый вопрос палача. – Я как раз к князю, насчёт земли поговорить пришёл.

– На войну хочешь? – усмехнулся палач.

– Вообще-то не очень, но если надо, я всегда готов постоять за землю родимую, померяться с супостатом люто-поганым силушкой богатырской.

– Хорошо сказал! – удовлетворённо сказал палач и открыл дверь терема. – Проходи коли так, защита и надёжа, твою медь с латуною.

Перебор с некоторым волнением вошёл в княжеский терем и в сопровождении палача добрался до дверей княжеской тронной залы, в простонародье – кабинета.

– Стой! – скомандовал палач. – Кругом!

Перебор на пятках развернулся лицом к палачу. Осмотрев здоровяка, и ещё раз, с одобрением мысленно отметив мощные бицепсы деревенского атлета, палач дал тому последние инструкции:

– Зайдёшь, остановишься в центре, в пояс поклонись князю, скажешь, как ты там говорил, типа готов постоять за землю в бою с поганцами, и жди. Будут вопросы, отвечай честно. Князь лжецов не любит, а любое враньё, – палач сомнительно хмыкнул, – чует за три с половиной версты.

Палач одёрнул рубаху на Переборе, попытался немного уложить его непокорные кудри, и, решив, что для князя сойдёт и так, завёл кандидата в богатыри в «кабинет».

Сделав всё согласно палачёвской «инструкции», Перебор замер пред князем в почтительном ожидании.

Великий князь Свистослав Златоглавый, с грозной физиономией восседавший на престоле, внимательно-оценивающим взором осмотрел «кандидата» – довольно молод, рыльце ещё не в пушку, э-э, в смысле лицо ещё не бреет, честные глаза горят, ещё не затянулись «ряской» пороков, не потускнели в житейском омуте, физически развит восхитительно, что видно невооружённым глазом, бугрящиеся под косовороткой мышцы прямо бросаются в глаза своими объёмами. В целом производит приятное впечатление.

Оставшись довольным «тактико-техническими данными» первого и последнего претендента, князь задал первый в таких случаях (но не последний) вопрос:

– Военное образование есть?

– Нет, только военно-прикладные.

– Интересно, и какие именно? – слегка разгладились морщины на княжеском челе.

– Разряды по единоборствам, сертификат метателя молота, похвальная грамота за рукотворную организацию древесных завалов и выпел в спортивном ориентировании в тайге, – честно, как надоумил палач, доложил, смущённый Перебор, даже ничуть не приукрашивая.

– Замечательно! – почти полностью утратил величественно-суровое выражение лица великий князь. – Но позвольте спросить, молодой человек, что такое это ваше спортивное ориентирование в тайге? Сколь живу на свете, не слыхивал про это.

– А-а, так это забава древнерунийская, наподобие греко-спартанского скалолазания – немного освоившись, выдавил улыбку Перебор. – Меня наши деревенские, с завязанными глазами, в тайгу раз двадцать отводили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.